

мере двухсот рублей. Этот скромный акт государственного раскаяния навлек на получателя самые мрачные подозрения, которые, как сказано, полностью опровергаются беспристрастными документами упомянутого выше следственного дела.

Очувтившись на воле, Михаил Михайлович становится единственным корреспондентом пребывающего в крепости брата. Посылая ему деньги, он присовокупляет к ним «полсотни заграничных цыгар», не ведая, что через несколько лет сам начнет производить подобные изделия – как бы в отместку романтическим упованиям юности. «Я уверен, что ты напишешь нечто, далеко выходящее из круга обыкновенных явлений», – ободряет он брата: пожелание сбудется очень нескоро.

22 декабря 1849 г., сразу же после «казни», Достоевский адресует Михаилу Михайловичу свое последнее перед сибирской разлукой письмо. Это – одно из самых сильных посланий, написанных на этой земле. «Брат, любезный друг мой! все решено!» Он повествует о том, что пережил утром этого дня. Он не теряет надежды. «...Когда-нибудь я тебя обниму. Ведь был же я сегодня у смерти, три четверти часа прожил с этой мыслью, был у последнего мгновения и теперь еще раз живу!»

Нетрудно догадаться, с каким чувством читал старший брат эти строки – он, который, повернись дело иначе, тоже мог бы стоять на эшафоте. (Через много лет вдова адресата покажет это письмо автору, и тот будет читать его «страшно волнуясь» и попросит обратно текст.)

Им еще разрешат свидеться – на полчаса, в Комендантском доме, перед тем как осужденного закуют в кандалы и посадят в жандармские сани. Присутствовавший при том А.П. Милюков замечает, что из двух братьев страдал больше тот, кто оставался на воле. «В глазах старшего брата стояли слезы, губы его дрожали, а Федор Михайлович был спокоен и утешал его».

Четыре года братья ничего не будут знать друг о друге. Михаил Михайлович оставит не могущие его прокормить литературные занятия и, как уже сказано, займется табачной фабрикой. Разразившаяся над братом катастрофа и его собственное двухмесячное пребывание в крепости, очевидно, произведут на него неизгладимое впечатление. Мягкий, сдержанный, ровный, не выказывающий так резко, как брат, своего «я» (дочь его не помнит, чтобы отец «когда-нибудь вспыллил, сердился, кричал»), новоиспеченный табачный фабрикант делается еще осторожнее, закрытее, суше.

Он страстно любит музыку; неплохо рисует. При этом – чрезвычайно близорук, «так что часто не узнавал на улице своих детей». Любовь Федоровна утверждает, что ее дядя (умерший, кстати, задолго до ее рождения) с годами пристрастился к алкоголю. «Разлитие желчи» (квалифицируемое современной медициной как цирроз печени), что стало причиной его смерти, как будто подтверждает эти слова.

Со своей стороны, дочь, Екатерина Михайловна, потерявшая отца в 12-летнем возрасте, с негодованием отвергла эту гипотезу. По ее словам, отец пил «только в исключительных случаях» и, следовательно, «никогда алкоголиком не был».

Мнение дочери (которое, конечно, может быть субъективным) подкрепляется письмом самого Михаила Михайловича от 27 января 1864 г.: «Вчера собралось у меня несколько приятелей: нужно было спрыснуть новый журнал («Эпоху». – И.В.), и мы подпили. Нынче вследствие *непривычки* или простуды у меня смертельно голова болит и маленькая дрожь».

Это написано за полгода до смерти, причиной которой якобы стало то, что автор письма считает для себя делом не очень привычным. Как саркастически замечает А.А. Достоевский (сын третьего брата, Андрея Михайловича), «некоторые представители медицины...склонны считать чуть ли не классическими алкоголиками таких лиц, которые всю жизнь перед обедом выпивают рюмку водки», и что тогда «все Достоевские, без